

—

XVIII.

— Талисман Закрепления Души... Ты действительно наклеил Талисман Закрепления Души! — Старейшина семьи Хань рухнул на землю. Вид у него был изможденный, но его полный ненависти взгляд неотрывно блуждал по фигуре Хань Минъе.

Хань Минъе, волоча свое ослабленное тело, изо всех сил пытался отползти подальше от старика. Тяжело продышавшись, он вдруг разразился громким хохотом:

— Хотя я и понятия не имею, когда этот талисман был наклеен и кто это сделал, но одно ясно точно — ты провалился! У тебя вообще остались силы на еще одну попытку захвата тела?

Он и представить не мог, что Старейшина на самом деле планировал занять его оболочку.

— Если не ты, то кто?! Кто это сделал?! — яростно закричал Старейшина семьи Хань, искажившись в лице. — Кто посмел мне помешать?!

— Хм, возможно, это я.

Равнодушный, ледяной мужской голос неспешно донесся от входа в пещеру.

И Старейшина, и Хань Минъе одновременно вскинули головы. Увидев знакомый высокий силуэт, они округлили глаза:

— Как это можешь быть ты?!

Гу Сюань слегка кивнул. Глядя на их жалкий вид, он удовлетворенно произнес:

— Похоже, подарок пришелся кстати. Неплохо.

Старейшина Хань был готов захлебнуться яростью:

— Ты и впрямь мой заклятый враг, предначертанный судьбой!

— Уф! — услышав это, Се Сюаньсин не удержался и демонстративно изобразил рвотный позыв.

В этот напряженный момент, когда искры летели от враждебности, такой звук заставил всех обернуться. Ло Чуань и вовсе хихикнул, решив подшутить:

— Что такое? Что такое? Неужели «залетел»? Какой месяц?

— ... — Се Сюаньсин потерял дар речи. Похоже, Гу Сюань прав: Ло Чуань — просто большой псих. Он мужчина, как он может «залететь»?

Се Сюаньсин сердито уставился на него:

— Неужели не видно? Меня просто тошнит от омерзения! Столетний старик, всё лицо в морщинах, говорит двадцатилетнему красавцу в самом расцвете сил про «судьбу» и «предначертание»... Разве это недостаточно тошнотворно?

Ло Чуань негромко рассмеялся. Гу Сьюань протянул руку и ущипнул помощника за надутую щеку — тот явно снова начал капризничать. Подумав, он кивнул:

— И правда, мерзко. М-м, судьбой я предначертан только тебе.

— ... — лицо Се Сюаньсина мгновенно вспыхнуло до кончиков ушей.

Боже... Как этот человек может вот так внезапно говорить такие вещи? Аж не по себе становится. Впрочем, пусть говорит почаще.

Гу Сьюань не знал о сумбуре в мыслях своего спутника. Он снова перевел взгляд на Старейшину семьи Хань:

— Хватит нести эту мерзость. Если судьба и существует, то сегодня она предрекла тебе сокрушительный провал. Твои старания — лишь попытка черпать воду дырявым ведром.

— Нет, нет... — упрямо качал головой старик, противясь реальности. — У меня есть духовные корни! Я — баловень небес! Я тренировался полжизни, как я могу проиграть, как я могу умереть?! Это ты, это всё ты! Почему ты вечно встаешь у меня на пути?!

Гу Сьюань холодно усмехнулся:

— Старик, который не умирает вовремя — это вор. Когда пришло время уходить — уходи. Считай, что я делаю доброе дело, помогая тебе.

Се Сюаньсин добавил:

— Теперь — уходить тебе или нет — решать уже не тебе.

Старейшина семьи Хань чувствовал, как жизнь капля за каплей покидает его. Он больше не мог сопротивляться. Все его расчеты длиною в полжизни сегодня пошли прахом. Ему хотелось завывать от горя, но боль достигла предела, и он не мог выдавить ни единой слезы. Спустя долгое время он тяжело вздохнул и, обреченно глядя на Гу Сьюаня, бессильно спросил:

— Но всё же... Как ты узнал о плане захвата тела? Об этом никто не знал.

Он не говорил об этом ни единой душе. Ни личным слугам, ни младшим в семье — никто не был в курсе.

Гу Сьюань усмехнулся:

— Это было лишь предположение. Культивация крайне требовательна к возрасту. Даже если духовная энергия вернется, при твоём столетнем возрасте успех в Заложении Основания невозможен. Ради чего тогда ты так суетился? Плюс тот тщательно подготовленный массив для захвата тела на дне озера в поместье Хунтянь... Тут и понимать нечего.

— Вот оно что... Ты распознал массив в озере, — Старейшина семьи Хань горестно вздохнул, глядя в потолок пещеры. — Жаль только, что тот массив ты разрушил, а сегодня я слишком часто вступал в бой, и мое тело не выдержало. Пришлось в спешке готовить ритуал здесь. Чтобы ослабить сопротивление души этого паршивца, я даже скормил ему Пилюлю Разрушения Духа, уничтожив всю его энергию и сознание... И в итоге всё равно всё погубил твой единственный Талисман Закрепления Души.

Говоря это, он внезапно рассмеялся, и в его смехе послышались рыдания. Отсмеявшись и

отплакавшись, старик снова посмотрел на Гу Сьюаня, всё еще не понимая:

— Но как ты узнал, что я выберу именно Минъе, а не Се Юйчэня? Я ведь забрал их обоих.

Гу Сьюань холодно ответил:

— Судя по прошлому опыту Се Юйчэня, у него типичный путь главного героя, он — дитя удачи этого мира. Ты никак не смог бы захватить его тело. Поэтому ты мог лишь искать способы разделить с ним это везение. А какой статус подходит для этого лучше, чем статус «спутника жизни»? Вы, заклинатели, ради великого пути к бессмертию готовы убивать жен и детей — что для вас значит захватить тело собственного внука?

Услышав это, и Старейшина, и Хань Минъе побледнели.

Хань Минъе содрогнулся от ужаса, осознав, какой смерти он едва избежал.

Старейшина же застыл в бессильной ненависти и беспомощности. Он лишь пробормотал:

— Ничто не ускользнуло от твоего контроля...

Гу Сьюань никак не отреагировал на эту похвалу, лишь сухо бросил:

— Хватит болтовни. Спускайся с горы и сдавайся властям.

Старейшина семьи Хань покачал головой. Он внезапно поднял палец и слегка коснулся области сердца. Тонкая струйка духовной энергии прошла его тело, он завалился на бок и затих навсегда.

Гу Сьюань и остальные лишь приподняли брови, не успев даже ничего сказать, как вдруг снова раздался звук рвоты. Это был схваченный ими Се Юйчэнь.

Он смотрел на лежащего на земле Старейшину — грязного, в пятнах крови, с искривленным, сгорбленным телом и редкими седыми волосами. Старик выглядел неописуемо отвратительно и уродливо. При мысли о том, что если бы захват тела Хань Минъе удался, то ему пришлось бы в будущем строить романтические отношения с этим стариканом, он не выдержал.

Гу Сьюань повернул голову и медленно прищурился, глядя на Се Юйчэня.

Ему внезапно пришла в голову забавная мысль: все события, произошедшие сейчас, случились на полгода раньше, чем в оригинальном сюжете.

Поэтому Гу Сьюань сильно сомневался, что тот Хань Минъе, который появился позже в оригинальной истории, внутри всё еще оставался собой. Скорее всего, к тому времени в его теле уже обосновался кто-то другой.

Более того, те паранормальные дела, в которых Хань Минъе и Се Юйчэнь должны были вместе участвовать через полгода, и все те артефакты и сокровища, что они должны были заполучить — всё это, по сути, было подготовлено много лет назад. С высокой долей вероятности это были ресурсы, которые Старейшина Хань заранее спланировал и оставил для самого себя после захвата тела. Заодно в процессе этих приключений он должен был укрепить связь с Се Юйчэнем, чтобы в будущем было удобнее делить его удачу.

Если бы не появление Гу Сьюаня, планы Старейшины Хань наверняка воплотились бы в жизнь в точности. И тогда... ха-ха...

На губах Гу Сююаня невольно заиграла усмешка.

В этот момент тыльную сторону его ладони пронзила резкая, но отчетливая боль. Он опустил взгляд. Се Сюаньсин яростно впился в него глазами.

Гу Сююань нахмурился, не понимая:

— Что случилось?

— ... — Се Сюаньсин промолчал.

«Только что говорил про „предначертанность судьбой“, а теперь уже такой нетерпеливый тон?» О, конечно, он мешает ему смотреть на других и мечтательно улыбаться — особенно глядя на Се Юйчэня.

Се Сюаньсин не на шутку рассердился. Он резко отвернулся, решив не разговаривать с этим типом как минимум до завтра.

Гу Сююань прищурился. В следующее мгновение его широкая ладонь обхватила подбородок помощника. Слегка надавив, он заставил Се Сюаньсина повернуть голову и посмотреть на него.

Его взгляд был холодным, а голос еще более ледяным:

— Если что-то не так, говори прямо сейчас. Не вздумай объявлять мне холодную войну.

Се Сюаньсин надул губы, обиженно глядя на него своими огромными влажными глазами. «И чего ты командуешь? Думаешь, я тебя боюсь?»

Впрочем... когда Гу Сююань становился серьезным, помощник никогда не осмеливался по-настоящему капризничать. Он просто замолчал и опустил веки, так что его длинные ресницы отбросили на бледную кожу трогательную и беззащитную тень.

Глядя на это изящное лицо и обиженно надутые щеки, Гу Сююань смягчился. Он притянул парня к себе, крепко обнимая, и только тогда низким, приглушенным голосом произнес:

— Говори.

Прижавшись к знакомой теплой груди и чувствуя на своей спине нежное поглаживание большой ладони, Се Сюаньсин почувствовал, как обида постепенно утихает. Он поднял голову и пробормотал:

— Ты опять на него пялился... Ты ему даже улыбался! — На слове «улыбался» его голос даже сорвался.

— М-м? — Гу Сююань прищурился, на его лице отразилось полное недоумение. — На кого это я пялился? Кому улыбался?

«А? Неужели притворяется?» — Се Сюаньсин нахмурился:

— На Се Юйчэня! О чем ты думал, когда смотрел на него?

Гу Сююань небрежно ответил:

— Подумал о том, что если бы тот старик успешно захватил тело, как бы эти двое тогда ладили.

Сказав это, он вспомнил: кажется, он и правда усмехнулся. Но это была лишь насмешка.

Се Сюаньсин тут же понял, что ошибся. Ему стало невыносимо неловко, щеки окрасились розовым, и он еще сильнее прижался к груди Гу Сьюаня, не желая отстраняться.

Такого милого помощника оставалось только простить. Гу Сьюань склонился и легонько поцеловал его в макушку:

— И почему ты такой капризный? Пора спускаться с горы. Тебя всё еще нужно нести?

— Да! — голова Се Сюаньсина тут же высунулась из «укрытия», и он ответил удивительно звонко.

— ... — Се Юйчэнь чувствовал себя лишним. Эти двое разыграли спектакль, а он остался просто инструментом для их драмы.

Ло Чуань восторженно посмотрел на Гу Бэйлиня:

— Второй брат, какая романтика!

— ... — Гу Бэйлинь. Какая еще романтика? Просто несет человека. Мы же так и поднимались. Впрочем, он послушно сказал: — Я понесу тебя вниз.

— Хорошо, — улыбка Ло Чуаня стала еще ярче.

— ... — Хань Минье и Се Юйчэнь. Вы вот так просто уходите? Не боитесь, что мы сбежим?

— А вы двое, бездари, чего застряли? Хотите, чтобы мой старший брат лично спихнул вас с горы? — В этот момент Гу Сьюань, неся свою ношу, обернулся и посмотрел на них. Его лицо было предельно холодным, а тон еще суровее — куда делась та нежность, с которой он только что обращался к Се Сюаньсину?

— ... — Хань Минье и Се Юйчэнь. Ты что, мастер перевоплощений?

— ... — Гу Бэйлинь. Скверный младший братец, ты что, принимаешь меня за своего вышибалу? Почему это я должен их пинать, у тебя своих ног нет?

Однако в следующее мгновение клинок в его руках сверкнул холодным светом, подняв резкий порыв ветра, от которого у пленных по шеям пробежал холодок, словно сталь уже коснулась их кожи. Хань Минье и Се Юйчэнь резко переменялись в лице и послушно побрели к выходу из пещеры, следуя за Гу Сьюанем.

Хань Минье после Пилюли Разрушения Духа остался без капли энергии, с поврежденными каналами — теперь он был обычным калекой. Се Юйчэнь же никогда не был силен в открытом бою, а в искусстве талисманов он и подавно не мог тягаться с гением Гу Сьюанем. Тем более за ними присматривал «Северный волк» — настоящий бог смерти.

Когда они вернулись в уездный город Фэнду, дело было практически закончено. Заклинатели кланов в городе были полностью подавлены превосходящей мощностью энергетического оружия спецназа и магическими техниками сотрудников Управления.

Гу Сьюань передал Хань Минье и Се Юйчэня в руки Хэ Паня, напомнив, что тело Старейшины семьи Хань осталось на горе. Он посоветовал поскорее спустить его и сжечь для упокоения души. Этот старик был тем еще смутьяном — не хватало только, чтобы на почве

нереализованной жажды мести он превратился в призрачного культиватора.

Хэ Пань пообещал немедленно со всем разобраться. Гу Сьюань кивнул и продолжил нести Се Сюаньсина к их гостинице.

Се Юйчэнь провожал их тяжелым взглядом. Когда-то он думал, что в городе S навсегда превзошел Се Сюаньсина. Даже когда они встретились на горе Лоцзюнь, он был шокирован, но всё равно не воспринимал того всерьез. Но потом, раз за разом, все его планы против Се Сюаньсина и Управления проваливались. Се Сюаньсин стал тенью, терзающей его сердце.

Вчера он думал, что это будет последний раз — что с этого момента они с Се Сюаньсином будут принадлежать разным мирам. Но кто же знал, что всё это окажется лишь сном. Теперь он был пленником без будущего, а Се Сюаньсин был на пике успеха — и в любви, и в делах. И ключом ко всему этому был Гу Сьюань.

Се Юйчэнь медленно повернул голову к искалеченному Хань Минье. Если бы тогда он встретил Гу Сьюаня...

То, что осталось позади, и мысли Се Юйчэня — всё это больше не касалось Гу Сьюаня и Се Сюаньсина.

Однако у дверей гостиницы Се Сюаньсин вдруг что-то вспомнил и «закапризничал»: он не только спрыгнул на землю, чтобы идти самому, но и внезапно предложил понести Гу Сьюаня наверх.

Гу Сьюань с холодным лицом указал на лифт неподалеку:

— Зачем тебе нести меня по лестнице? Разве лифт не лучше? Он быстрее.

— ... — Се Сюаньсин выпучил глаза. Дело же не в лифте! А в том, чтобы доказать, что он тоже мужик и может позаботиться о партнере!

Он умоляюще смотрел на Гу Сьюаня.

Гу Сьюань безжалостно проигнорировал его, направился напрямик к лифту и нажал кнопку вызова. Как раз в этот момент кто-то спускался, и через пару секунд двери открылись.

Гу Сьюань зашел внутрь, засунув одну руку в карман. Скользнув ленивым взглядом по всё еще колеблющемуся Се Сюаньсину, он сухо бросил:

— Если собираешься идти по лестнице, я закрываю двери.

— ... — Се Сюаньсин.

Се Сюаньсин поспешно подбежал и юркнул в лифт, после чего, сердито сопя, прижался спиной к стенке. Гу Сьюань искоса взглянул на него, и уголки его губ слегка приподнялись. Двери закрылись, и лифт плавно тронулся.

Планировка гостиницы в уездном городке была простой, всего семь этажей. Номер Гу Сьюаня и остальных находился на третьем, так что не успели они опомниться, как прозвенел звонок, оповещающая о прибытии, и они снова вышли в коридор.

Стоило им выйти из лифта, как Се Сюаньсин мгновенно сменил гнев на милость. Он схватил Гу Сьюаня за рукав и, задрав личико, взмолился:

— Ты сегодня так устал... Давай я донесу тебя до номера на спине, а?

Гу Сьюань: .....

Что за блажь нашла на этого «маленького помощника»? Сначала всеми силами заставлял нести себя, а теперь изо всех сил пытается понести его сам. Он пристально посмотрел на парня, а затем указал на табличку на стене:

— Знаешь, что там написано?

Се Сюаньсин надулся:

— 312.

Гу Сьюань достал из кармана ключ-карту, сделал примерно семь-восемь шагов и приложил её к замку. Раздалось «пи-пи», и дверь открылась.

— Заходи, — холодно скомандовал он.

Се Сюаньсин сердито зыркнул на него и, неохотно волоча ноги, вошел в комнату. Там он с разбега прыгнул на кровать и растянулся на ней. Эх, еще одна возможность доказать, что он — «великий и могучий гун», была упущена. Знай он об этом раньше, ни за что бы не позволил Гу Сьюаню нести себя с горы. Ну какой «альфа» позволит партнеру таскать себя на закорках? Эх, промашка вышла.

...Но...

Се Сюаньсин тайком потыкал пальцем в ладонь: когда Гу Сьюань его нес, ему же было так хорошо! Даже если бы время повернулось вспять, он бы точно не нашел в себе сил отказаться.

Подумав об этом, Се Сюаньсин внезапно вскочил с кровати. Его взгляд стал ясным и решительным — хватит сокрушаться о прошлом, нужно брать быка за рога в настоящем! Он резко обернулся к Гу Сьюаню и громко объявил:

— Иди первым в душ!

Гу Сьюань в это время пил минералку. Его кадык дернулся, пропуская глоток воды, и только после этого он покосился на парня.

— ... — Се Сюаньсин втайне прижал руку к сердцу.

Какой сексуальный кадык. Даже просто пьет воду — и то так притягательно. Говорят, если у мужчины большой кадык, то он и в «этом» плане очень хорош. Судя по опыту с Гу Сьюанем, доля истины в этом была. Но такой мощный мужчина с этого момента будет лежать под ним... Думать об этом было немного жалко — такой талант пропадает — но в то же время безумно возбуждающе. Се Сюаньсин хлопнул себя по груди, внезапно преисполнившись безграничного мужества.

Гу Сьюань холодно посмотрел на него, поманил рукой и низким голосом произнес:

— Подойди.

— О, — отозвался Се Сюаньсин и по привычке радостно подбежал поближе.

Уткнувшись носом в грудь партнера, он вдруг осознал, что что-то не так. Разве может «великий гун» быть таким несерьезным? Он быстро выпрямился, прочистил горло и намеренно грубым голосом спросил:

— Чего тебе?

Гу Сьюань коснулся его лица и, прищурившись, негромко произнес:

— Вспомнил, о чем мы говорили раньше. На этот раз давай пойдем мыться вместе.

— ... — Се Сюаньсин округлил глаза.

Так экстремально? Первый раз в роли «гуна» — и сразу в ванной? Он прикусил губу и с сомнением спросил:

— А так правда можно?..

«Я боюсь тебя поранить», — осталось невысказанным.

Гу Сьюань приподнял бровь:

— Почему нет? Если в этот раз тебе не понравится, по возвращении в столицу купим виллу с огромным джакузи, там места точно хватит.

— Ладно, — ошарашенно кивнул Се Сюаньсин.

Он вовсе думал о том, как будет стараться, чтобы Гу Сьюаню было приятно, и совершенно не заметил подвоха в последней фразе.

Из широкой лейки душа хлынула теплая вода. В середине осени в ванной быстро поднялся пар, застилая всё белой дымкой. У Се Сюаньсина уже голова шла кругом. В этот момент прохладные кончики пальцев скользнули под край его одежды, касаясь гладкой белой кожи.

Он резко открыл глаза, вспомнив, что вошел сюда с определенной миссией. Теперь Гу Сьюаню даже не пришлось ничего делать: Се Сюаньсин сам быстро сорвал с себя остатки одежды и активно потянулся к вещам Гу Сьюаня:

— Я помогу тебе.

— ... — Гу Сьюань.

Что-то здесь не так. Хотя помощник порой бывает весьма прямолинеен и страстен, в такие моменты он обычно стесняется. А сегодня... Впрочем, что бы он ни задумал, далеко не убежит. Гу Сьюань не менял выражения лица, позволяя ему действовать — пусть это будет бонусом перед основным делом.

Спустя некоторое время они стояли друг перед другом совершенно нагими. Се Сюаньсин сияющими глазами посмотрел на Гу Сьюаня и предупредил:

— Начинаем.

— ... — Гу Сьюань. Его помощник сегодня был подозрительно милым. Нечего больше ждать.

Он протянул руки, притягивая парня в свои объятия. Обжигающий поцелуй накрыл его, а руки

начали блуждать по телу.

— М-м... — Се Сюаньсин невольно издал приглушенный стон, чувствуя, как всё его тело размякает.

Когда его голова окончательно поплыла, а пальцы ног сладко подогнулись, он вдруг вспомнил: «Погодите, разве сегодня не я должен быть «великим гуном»?»

Спустя час Гу Сьюань вынес из ванной раскрасневшегося, обмякшего, как лапша, человека. Сначала он дал ему выпить немного воды, затем укрыл одеялом и лег рядом. Но стоило ему обнять парня, как он встретился с парой глаз, мечущих молнии.

Гу Сьюань поцеловал его, успокаивая:

— Что случилось? Снова капризничаешь?

Се Сюаньсин прохрипел в ярости:

— Мы же договаривались! Как ты мог опять передумать?

Гу Сьюань в замешательстве нахмурился, а затем негромко рассмеялся:

— Ну да, договаривались попробовать в воде. Неужели тебе не понравилось? Судя по твоей реакции, всё было иначе...

— ... — Се Сюаньсин. Когда это они о таком договаривались?!

Он надул щеки и возмущенно возразил:

— Я не об этом! Разве мы не договаривались, что я буду сверху?!

Глаза Гу Сьюаня блеснули. Погладив партнера по талии, он низким голосом произнес:

— А, ты об этом. Я не забыл. У тебя еще остались силы? Тогда давай еще раз.

— Правда? Я буду сверху? — Се Сюаньсин радостно распахнул глаза. Из-за того, что он только что плакал, его глаза блестели от влаги, а уголки покраснели, делая его еще более пленительным.

Гу Сьюань очень хотел увидеть их снова наполненными слезами и кивнул:

— Конечно. Ты будешь сверху.

С этими словами он слегка нажал на плечи парня, и тот перевернулся, оказавшись верхом на его талии. Следом ловкие пальцы Гу Сьюаня потянулись к одному знакомому местечку на теле Се Сюаньсина. Тот мгновенно понял, что дело принимает скверный оборот, но пути назад уже не было.

В итоге Се Сюаньсин заснул, всхлипывая. Даже во сне он не переставал бормотать: «Ау-у... загрызу тебя, обманщик...»

В самолете по пути в Пекин Се Сюаньсин напоминал инвалида со стажем — всю дорогу Гу Сьюань носил его на руках.

На этот раз практически все магические кланы приняли участие в смуте и получили заслуженное наказание. Зачинщики лишились духовной энергии и были приговорены к пожизненному заключению. Соучастники после отбытия срока должны будут носить электронные браслеты и пожизненно находиться под надзором государства.

Магические силы, организованные в форме кланов, практически прекратили свое существование. Вслед за этим Управление выпустило новые правила. Наследие мятежных кланов было конфисковано в пользу государства; теперь любой заклинатель, вступивший в Управление, мог изучать их в зависимости от своих заслуг. Свободные же практики отныне обязаны были регистрироваться: после прохождения тестов Управление выдавало им сертификат заклинателя. Без него использование магии и духовной энергии в мире было строго запрещено. Все адепты мистических искусств должны были находиться под надзором — государству больше не нужны были случаи самосуда и нарушения законов сильными мира сего.

В мир людей вернулось спокойствие.

Однако в жизни Се Сюаньсина спокойствия в последнее время поубавилось. Стоило ему увидеть Гу Сыюаня, как он невольно хватался за поясницу.

В один из дней, вернувшись с работы, он обнаружил в гостиной несколько огромных коробок. Се Сюаньсин вспомнил, что скоро его день рождения, и, решив, что это подарки, радостно принялся их открывать.

В итоге в ту же ночь он превратился в актера театра: сначала играл львенка, потом лисичку, а под конец у него уже даже сил плакать не осталось. Он больно укусил Гу Сыюаня за плечо:

— Откуда ты набрался всех этих фокусов?!

Гу Сыюань спокойно ответил:

— Специально ходил на форумы спрашивать.

— Что-о?! — Се Сюаньсин изобразил шок.

Гу Сыюань с невозмутимым видом продолжил:

— После того как ты предложил попробовать в воде, а потом еще и позу «наездника», я понял, что в этом плане ты — человек с высокими запросами. Я, конечно, не мог тебя разочаровать.

— ... — Се Сюаньсин. Да уточни ты уже наконец, чьи это были запросы?!

Впрочем, если Гу Сыюань что-то решал, Се Сюаньсин никогда не мог ему отказать. Поэтому он решил поделиться этой «радостной новостью» с Гу Бэйлинем и Ло Чуанем — пусть и они разделят с ним все тяготы и радости.

Да, именно так.

—